

УДК 343.352
URL: <http://hdl.handle.net/11435/2197>

Рогова Е. В., Забавко Р. А.
С. 76–83.

Е. В. РОГОВА,
доктор юридических наук, доцент,
Р. А. ЗАБАВКО,
преподаватель

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

МНИМОЕ И РЕАЛЬНОЕ УЖЕСТОЧЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСРЕДНИЧЕСТВО ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Цель: выявить спорные вопросы уголовно-правового регулирования и проблемы практики применения норм уголовного закона, устанавливающих ответственность за посредничество во взяточничестве. На основании анализа предложить способы разрешения некоторых из них.

Методы: в целях достоверности и полноты применялись общие и специальные методы научного познания. Из общих использовались такие, как историко-правовой, логико-юридический, сравнительно-правовой методы, системный анализ и синтез. Из специальных – метод исследования документов и контент-анализ; метод экспертных оценок.

Результаты: в ходе написания работы авторы пришли к выводу о необходимости реформирования закона в части установления уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве. Одним из вариантов решения проблемы авторы видели внесение изменений в диспозицию ст. 291.1 УК РФ. Однако комплексный анализ проблем применения данной нормы, а также норм Общей части УК РФ свидетельствует о том, что необходимости в законодательном закреплении уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве нет.

Научная новизна: состоит в комплексном анализе проблем применения ст. 291.1 УК РФ, на основании чего обоснована несостоятельность данной нормы уголовного закона, внесено предложение о дополнении в нормы Общей части УК РФ относительно понятия пособника совершения преступления.

Практическая значимость: результаты работы могут быть использованы при реформировании уголовного законодательства Российской Федерации, а также при проведении дальнейших научных исследований проблем дифференциации ответственности за взяточничество.

Ключевые слова: взяточничество; посредничество во взяточничестве; аналогия закона; дифференциация уголовной ответственности; взятка; взяткополучатель; взяткодатель; неоконченное преступление.

Введение

Борьба с коррупцией, существенно активизированная в последние несколько лет, сопровождается масштабным реформированием российского законодательства, что соответствует международным стандартам и требованиям противодействия данному негативному явлению [1, с. 95–121].

Очевидно, что в настоящее время в связи с реформированием всех уровней государственной власти проблема коррупции приобрела особую остроту. Российское государство провозглашает права человека высшей ценностью, повышение качества его жизни – основным приоритетом в деятельности органов управления. В этих условиях такое негативное социальное явление, как коррупция, охватывающее все стороны общественной жизни, ставит под угрозу

реальное соблюдение принципов правового демократического государства.

Анализ статистических данных по России за последние пять лет свидетельствует о том, что количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности и число выявленных лиц остается на достаточно высоком уровне (см. табл.).

Однако следует обратить внимание на то, что данные преступления обладают повышенной латентностью, поэтому сложно судить об объективности представленных данных. Известные исследователи проблем латентности преступности отмечают, что она является показателем эффективности уголовной политики государства [2, с. 20]. Чем выше латентность преступлений, тем менее эффективны меры по противодействию преступности.

Сведения о количестве зарегистрированных преступлений коррупционной направленности и числе выявленных лиц, их совершивших*

Data on the number of registered corruption crimes and the number of found persons who committed them*

Год / Year	Зарегистрировано преступлений / Crimes registered			Выявлено лиц / Persons found		
	Ст. 290	Ст. 291	Ст. 291.1	Ст. 290	Ст. 291	Ст. 291.1
2010	7 747	4 265	0	2 488	3 855	0
2011	6 947	4 005	130	2 275	3 655	86
2012	6 576	3 182	399	1 774	2 726	192
2013	6 710	4 811	599	2 289	4 461	299
2014	5 980	5 913	462	2 060	5 603	273

* Источник: составлено авторами на основе статистической формы 491 ГИАЦ МВД России.

* Source: compiled by the authors based on the statistical form 491 of Major Informational Analytical Center of the Russian Ministry of Domestic Affairs.

При этом необходимо отметить и особую общественную опасность преступлений в этой сфере, что обусловлено тем, что они совершаются лицами, которые по роду своей деятельности сами обязаны бороться с различными правонарушениями и обеспечивать законность и правопорядок в той или иной сфере.

Стоит заметить, что и зарубежный законодатель совершенствует уголовно-правовые и уголовно-процессуальные механизмы борьбы с коррупцией, о чем свидетельствует проведенное исследование иностранного опыта [3]. Анализ зарубежного уголовного законодательства показал, что в качестве самостоятельного состава преступления уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве предусмотрена в таких государствах, как Германия, Китай, Япония и т. д. В уголовном законодательстве ряда стран ближнего зарубежья также закреплена ответственность за посредничество во взяточничестве (Беларусь, Латвия, Эстония, Казахстан и др.).

В некоторых странах нормы Особенной части уголовного закона прямо не предусматривают ответственность за посредничество во взяточничестве. Однако в Общей части уголовного закона содержится указание на усиление ответственности за особое подстрекательство (УК Республики Корея, УК Франции) [4, с. 163–165].

Существенным изменениям и дополнениям подвергся и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ). Федеральным законом № 97-ФЗ от 04.05.2011 была изменена редакция ст. 290 и 291 УК РФ, а также введена новая ст. 291.1 УК РФ,

устанавливающая уголовную ответственность за посредничество во взяточничестве¹.

В этой связи следует обратить внимание на то, что данная норма была известна отечественному уголовному законодательству советского периода. Однако законодатель отказался от нее с принятием УК РФ 1996 г. На протяжении почти ста лет отечественное уголовное право отличается в этой части непостоянностью: УК РСФСР 1992 г. признавал посредничество разновидностью получения взяточничества (ст. 114), УК РСФСР 1926 г. в ст. 118 предусматривал дачу взятки и посредничество во взяточничестве в качестве альтернативных деяний одного состава преступлений, в первоначальной редакции УК РСФСР 1960 г. самостоятельной ответственности за посредничество во взяточничестве изначально не предусматривалось, однако менее чем через два года с момента принятия он был дополнен ст. 174.1 «Посредничество во взяточничестве».

Достаточно большое количество научных публикаций относительно правового регулирования и практического применения ст. 291.1 УК РФ, вызвавших появление диаметрально противоположных позиций по целому ряду принципиально важных вопросов, отсутствие единой судебно-следственной практики обуславливает актуальность и необходимость изучения указанных проблем.

Таким образом, существующие международные стандарты борьбы с коррупцией, общественная опасность и достаточно высокий уровень латентности взяточничества, несовершенство ряда уголовно-правовых норм российского законодательства диктуют необходимость проведения исследования с целью выработки оптимальных предложений, направленных на повышение эффективности уголовно-правовой политики России.

Результаты исследования

Определенные вопросы вызывает толкование диспозиции ч. 1 ст. 291.1 УК РФ в связи с наличием в ней признака значительного размера. В указанной норме описаны два самостоятельных вида посредничества во взяточничестве, а именно непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя и иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: Федеральный закон РФ № 97-ФЗ от 04.05.2011 // Российская газета. 2011. № 5473. 6 мая.

реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере. Законодатель тем самым учел критику ученых в отношении ранее действовавшей ст. 174.1 УК РСФСР и описал давно обсуждаемые в теории уголовного права физическое и интеллектуальное посредничество. При этом некоторые юристы полагают, что признак значительного размера относится только к интеллектуальному посредничеству. Следует согласиться с П. С. Яни, который критикует такую позицию, указывая, что для этого нет должных оснований [5, с. 24–25]. Этого же мнения придерживается Верховный Суд РФ, который указал, что значительный размер взятки распространяется и на физическое, и на интеллектуальное посредничество во взяточничестве². Исходя из приведенных доводов, уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве (интеллектуальное и физическое) наступает только тогда, когда сумма взятки составляет не менее 25 тыс. рублей.

На наш взгляд, указав на значительный размер взятки, отечественный законодатель не в полной мере оценил общественную опасность посредничества во взяточничестве, совершенном в размере, не превышающем 25 тыс. рублей, о чем справедливо пишет и профессор В. М. Баранов [6, с. 76–83; 7, с. 119–130]. Повышенная общественная опасность данных деяний обусловлена тем, что при их совершении страдают не только интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, но и сложившийся порядок в сфере управления, а также права и законные интересы граждан и организаций.

В связи с этим возникают вопросы квалификации действий посредника, если размер взятки меньше вышеозначенной суммы.

На практике в данном случае, как правило, квалификация осуществляется как и ранее, т. е. по соответствующей норме Особенной части УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Так, Ленинским районным судом г. Новосибирска М. привлечена к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ за пособничество в получении взятки при следующих обстоятельствах. М., являясь медицинской сестрой терапевтического отделения районной больницы, наход-

ясь в дружеских отношениях с врачом и пациентом, передала от последнего незаконное вознаграждение врачу в размере 3,8 тыс. рублей за выдачу листка временной нетрудоспособности при отсутствии законных оснований³.

Однако в судебной практике встречаются примеры, когда квалификация подобных деяний осуществляется по ч. 2 ст. 291.1 УК РФ. Например, О., работавшая в должности медицинской сестры, оказала содействие в получении фиктивного листа нетрудоспособности за вознаграждение в размере 1 тыс. рублей, из которых 500 рублей предназначались для последующей передачи терапевту Ф. в качестве взятки за оформление фиктивного листка нетрудоспособности, а 500 рублей – ей в качестве вознаграждения за оказанное посредничество. Действия медсестры были квалифицированы как посредничество во взяточничестве⁴.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что указание в ч. 1 ст. 291.1 УК РФ на признак значительного размера взятки не способствует формированию единой судебной практики.

Вместе с тем позицию тех ученых, которые считают, что значительный размер применим только к интеллектуальному пособничеству, можно считать обоснованной только при применении буквального толкования данной статьи [8, с. 201]. В таком случае следовало бы признать, что введение ст. 291.1 УК РФ декриминализует интеллектуальное посредничество во взяточничестве, когда отсутствует значительный размер взятки, а привлечение в таких ситуациях лиц к уголовной ответственности по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ – нарушением правил квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм и, как справедливо отмечают М. Талан, И. Тарханов, применением уголовного закона по аналогии [9, с. 107].

На наш взгляд, такая уголовно-правовая реформа, направленная на усиление борьбы со взяточничеством, с одной стороны, путем дифференциации уголовной ответственности криминализировала деяние, а с другой – за рамками уголовно-правового поля оставила посредничество во взяточничестве, при котором размер взятки менее 25 тыс. рублей. Обращаясь к опыту зарубежного законодательства, отметим, что в составах, предусматривающих уголовную от-

² Кассационное определение Верховного суда РФ № 41-О12-65СП от 17.10.2012 // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2013, № 3.

³ Уголовное дело № 1-944/2014: Архив Ленинского районного суда г. Новосибирска за 2014 г.

⁴ Уголовное дело № 1.68/12081016/2012: Архив Беловского городского суда Кемеровской области за 2012 г.

ветственность за посредничество во взяточничестве, не содержит указания на размер взятки.

Полагаем, что указанное выше противоречие может быть устранено с учетом опыта зарубежного законодательства посредством изменения диспозиции ч. 1 ст. 291.1 УК РФ путем исключения указания на признак значительного размера взятки.

Усиление борьбы с коррупцией выразилось и в том, что Федеральным законом РФ от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ было криминализировано обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ) как квалифицирующего признака основного состава реального посредничества.

Однако введение уголовной ответственности за обещание и предложение посредничества во взяточничестве, на наш взгляд, нарушает принцип дифференциации уголовной ответственности. Так, высказывание лица о готовности к посредничеству во взяточничестве влечет уголовную ответственность за оконченное преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, в том время как высказывание готовности непосредственно получить или дать взятку не образует самостоятельных составов преступлений, предусмотренных ст. 290 и 291 УК РФ, так как такие действия не образуют уголовно наказуемую стадию совершения преступления. Кроме этого, посредник подлежит ответственности тогда, когда совершают обещание и предложение посредничества во взяточничестве с неопределенным умыслом (обещание и предложение посредничества в будущем), тогда как взяточник и взяточодатель подлежат ответственности только при наличии конкретизированного умысла. Более того, уголовная ответственность посредника во взяточничестве по смыслу уголовного закона наступает даже и в том случае, если лицо, которому направлено предложение посредничества во взяточничестве, отказалось его принять.

Тем самым представляется, что указанный закон внес некоторые разногласия в понятие неоконченного преступления. На основании ч. 2 ст. 29 УК РФ неоконченным преступлением признается только приготовление к преступлению или покушение на преступление. Обнаружение умысла, согласно действующему уголовному законодательству, не относится к стадиям реализации преступной деятельности. В теории уголовного права отмечается, что невшедшее физического воплощения в общественно опасном деянии обнаружение умысла не влечет за собой уголовной ответственности [10, с. 122; 11, с. 258–259; 12, с. 118].

На тех же позициях стоит и судебная практика, разъясняя в постановлении пленума Верховного Суда РФ, что «не может быть квалифицировано как покушение на дачу или получение взятки либо на коммерческий подкуп высказанное намерение лица дать (получить) деньги, ценные бумаги, иное имущество либо предоставить возможность незаконно пользоваться услугами материального характера в случаях, когда лицо для реализации высказанного намерения никаких конкретных действий не предпринимало»⁵.

Кроме того, уголовная ответственность наступает только за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ). Приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников, сговор на совершение преступления либо иное создание условий для совершения преступления. Умысел же, выраженный в словесной или иной форме, не может считаться первой стадией совершения преступления, поскольку его появление не образует общественно опасного деяния. На этапе обнаружения умысла до сведения других лиц доводится желание лица совершить преступление, но оно еще не осуществляет действий по практическому выполнению своего намерения.

Но даже если мы признаем предложение посредничества во взяточничестве приготовлением к преступлению, оно не подлежит наказанию, так как реальное осуществление посредничества, предусмотренное ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, относится к категории преступлений средней тяжести.

Следует отметить и то, что общественная опасность реального осуществления посредничества во взяточничестве выше, чем общественная опасность предложения или обещания такого посредничества, а максимальное наказание за него предусмотрено в виде пяти лет лишения свободы, тогда как во втором случае максимальное наказание – семь лет лишения свободы. Тем самым нарушаются принцип справедливости, заключающийся в том, что наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления (ст. 6 УК РФ). При осуществлении процесса дифференциации уголовной ответственности следует не нарушать системности уголовного закона, устанавливая повышенную от-

⁵ Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 от 09.07.2013 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. № 6130.

ветственность за действительно более опасные общественные деяния.

Кроме того, сочетание ч. 1 и ч. 5 ст. 291.1 УК РФ порождает парадокс. В ходе прохождения стадий совершения преступления от приготовления к оконченному преступлению меняется правовой статус субъекта: на этапе неоконченного преступления лицо подлежит ответственности по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, а в ходе реализации всех элементов состава преступления квалификация содеянного изменяется на ч. 1 ст. 291.1 УК РФ. При этом обещание или предложение во взяточничестве и их дальнейшую реализацию квалифицировать как совокупность преступлений нельзя.

Основным качеством квалифицирующих признаков является отражение значительного изменения типовой степени общественной опасности содеянного. В связи с этим встает закономерный вопрос: почему законодатель поместил обещание или предложение посредничества во взяточничестве в пятую часть рассматриваемой статьи, установив за неоконченное преступление более строгое наказание, чем за реальное совершение посредничества во взяточничестве?

Очевидно, что законодатель стал активно использовать квалифицирующие признаки для дифференциации уголовной ответственности. Однако решение некоторых вопросов, как видно из вышеизложенного, нельзя признать оптимальным, поскольку изменения, вносимые в уголовный закон, нередко носят фрагментарный характер, нарушают отдельные концептуальные положения уголовного закона. Основное функциональное назначение квалифицирующих признаков заключается в дифференциации при их применении уголовной ответственности.

Следует отметить и тот факт, что наличие в УК РФ ч. 5 ст. 291.1 нарушает принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), на что справедливо указывает О. И. Ткачев [13, с. 67]. В отличие от посредничества во взяточничестве при квалификации коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ) уголовная ответственность за обещание и предложение в его посредничестве не наступает. Такие действия не признаются приготовлением или тем более покушением на преступление, и обещание и предложение посредничества при коммерческом подкупе расцениваются стадией обнаружения умысла, что, согласно доктрине уголовного права, не является уголовно наказуемым.

Вместе с тем введение ст. 291.1 УК РФ позволило решить некоторые теоретические проблемы уголовной ответственности, связанной с пособничеством во взяточничестве. Так, К. Ображиев, К. Чашин

верно отмечают, что норма, сформулированная в ч. 5 ст. 33 УК РФ, содержит исчерзывающий перечень пособнических действий и не предусматривает описания интеллектуального пособничества, а ч. 1 ст. 291.1 УК РФ конкретизирует коррупционное посредничество, исключая применение уголовного закона по аналогии [14, с. 30–31].

Соглашаясь с ними в признании наличия проблемы, отметим, что ее решение путем введения в текст УК РФ отдельной статьи не оптимально – логичнее было бы внести в ч. 5 ст. 33 УК РФ оговорку о том, что пособником признается в том числе и лицо, выступившее посредником в преступлении.

Кроме того, анализ зарубежного законодательства позволяет прийти к выводу об отсутствии в нем уголовной ответственности за обещание или предложение посредничества во взяточничестве.

Кроме того, полагаем, законодатель в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ смешал признаки пособника и организатора в коррупционном посреднике. Так, при обещании посредничества во взяточничестве, инициатором которого выступает посредник, если такое обещание возбуждает у взяткополучателя или взяткодателя мотив на получение или дачу взятки, усматриваются признаки организатора, предусмотренные ч. 2 ст. 33 УК РФ. Вместе с тем его действия в данном случае нельзя квалифицировать со ссылкой на ч. 2 ст. 33 УК РФ ни по ст. 290 УК РФ, ни по ст. 291 УК РФ ввиду наличия специального состава преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291.1 УК РФ.

Выводы

Подводя итоги, заметим, что введение ст. 291.1 УК РФ позволило устраниТЬ противоречие в терминологии, на которое указывает А. Бриллиантов: в ст. 290 УК РФ законодатель говорит о посреднике, в то время как положения ч. 5 ст. 33 УК РФ не предусматривают такой разновидности пособника [15, с. 12]. Вместе с тем такое противоречие не представляется принципиальным – в доктрине уголовного права посредник признается разновидностью пособника. Однако, сняв противоречия терминологического характера, законодатель создал проблемы другого порядка, о которых речь шла в представленной работе. В этой связи думается достаточным внести дополнения в норму, закрепляющую понятие пособника, указав на то, что пособником признается в том числе и лицо, выступившее посредником в преступлении.

Один только факт высокой распространенности посредничества во взяточничестве, который стал

своеобразным видом преступного промысла для определенных категорий лиц [16, с. 34], не является достаточным основанием введения в текст УК РФ отдельной статьи. Согласимся с мнением тех ученых, которые считают, что особой необходимости в ст. 291.1 УК РФ нет, так как посредничество во взяточничестве укладывается в классические рамки соучастия в преступлении [17, с. 41].

Полагаем, что введение ст. 291.1 УК РФ является примером того случая, когда изменение и дополнение УК РФ может существенно усложнить правоприменительную практику, создав дополнительные сложности квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм.

Список литературы

1. Fedorov A.V. The OECD Anti-Bribery Convention as part of the Russian Federation's Legal System, and Implementation of the OECD Anti-Corruption Standards in Russian Legislation: Aspects of Criminal Law and Criminal Policy // Азиатско-Тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2014. № 1 (30). С. 95–121.
2. Иншаков С. М. Латентная преступность как показатель эффективности уголовной политики // Российский следователь. 2008. № 14. С. 20–23.
3. Ernst-Heinrich A. Klassische und neuere ethische Strategien zur Korruptionsbekämpfung // Kriminalistik, BRD, 2003, no. 8–9, pp. 481–485.
4. Копылов М. Н., Гаврюшкин Ю. Б. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве в зарубежных странах // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 163–165.
5. Яни П. С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. 2013. № 2. С. 24–29.
6. Баранов В. М. Зоны повышенного риска в деятельности органов государственной власти в ракурсе презумпции виновности чиновников // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 76–83.
7. Баранов В. М. Право против коррупции // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 119–130.
8. Таюрская Е. А. К вопросу о квалификации посредничества во взяточничестве // Правовая политика современной России: реалии и перспективы: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию Иркут. гос. ун-та. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 200–201.
9. Талан М., Тарханов И. Посредничество во взяточничестве в уголовном праве России // Уголовное право. 2013. № 5. С. 105–107.
10. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В. К. Дуюнова. 3-е изд. М., 2012. 681 с.
11. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М., 2010. 640 с.
12. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамова-Хегай. М., 2013. 336 с.
13. Ткачев И. Проблемы реализации уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве // Уголовное право. 2012. № 2. С. 64–70.
14. Ображиев К., Чашин К. Криминализация посредничества во взяточничестве: поиск оптимальной модели // Уголовное право. 2013. № 6. С. 30–35.
15. Бриллиантов А. О правовой оценке роли посредника в преступлении // Уголовное право. 2006. № 5. С. 12–16.
16. Гармаев Ю. П., Степаненко Р. А. Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по делам о преступлениях, связанных с посредничеством во взяточничестве // Российский следователь. 2013. № 11. С. 34–37.
17. Номоконов В. А. Некоторые проблемы оптимизации антикриминальной политики // Криминологический журнал БГУЭП. 2012. № 3. С. 36–42.

В редакцию материал поступил 20.10.15

© Рогова Е. В., Забавко Р. А., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Рогова Евгения Викторовна, доктор юридических наук, доцент, Восточно-Сибирский институт МВД России
Адрес: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, т.: (83952) 42-26-07
E-mail: rev-80@yandex.ru

Забавко Роман Алексеевич, преподаватель, Восточно-Сибирский институт МВД России
Адрес: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, т.: (83952) 42-26-07
E-mail: zra1985@gmail.com

Как цитировать статью: Рогова Е. В., Забавко Р. А. Мнимое и реальное ужесточение уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 76–83.

E. V. ROGOVA,

Doctor of Law, Associate Professor,

R. A. ZABAVKO,

Lecturer

Eastern-Siberian Institute of the Russian Ministry of Domestic Affairs, Irkutsk, Russia

QUASI AND REAL TOUGHENING OF CRIMINAL LIABILITY FOR MEDIATION OF BRIBERY

Objective: to identify the disputable issues of criminal-legal regulation and problems of criminal law norms application, establishing liability for mediation in bribery. Basing on the analysis, to propose ways to resolve some of them.

Methods: for the accuracy and completeness, general and special methods of scientific cognition were applied. The general methods include historical-legal, logical-legal, comparative legal methods, systemic analysis and synthesis. Special methods are study of documents and content analysis; expert evaluation method.

Results: the authors came to a conclusion about the need to reform the law concerning the criminal liability for mediation in bribery. One of the solutions to the problem is to change the disposition of Article 291.1 of the Criminal Code. However, a comprehensive analysis of the problems of application of this regulation and the norms of the General part of the Criminal Code indicates that there is no need to legislatively confirm the criminal liability for mediation in bribery.

Scientific novelty: the complex analysis of problems of the application of Article 291.1 of the RF Criminal Code has been made, which serves as the basis to justify the inconsistency of this provision of the criminal law; a proposal is made to make amendments in the norms of the General part of the Criminal Code of the Russian Federation relating to the concept of accomplice of the crime.

Practical significance: the results can be used in the reforming of criminal legislation of the Russian Federation, and also at the further research of problems of differentiation of liability for bribery.

Key words: bribery; bribery mediation; analogy of the law; differentiation of criminal liability; bribe; bribetaker; bribe payer; uncompleted crime.

References

1. Fedorov, A.V. The OECD Anti-Bribery Convention as part of the Russian Federation's Legal System, and Implementation of the OECD Anti-Corruption Standards in Russian Legislation: Aspects of Criminal Law and Criminal Policy // *Aziatsko-Tikhookeanskii region: Ekonomika, politika, pravo*, 2014, no. 1 (30), pp. 95–121.
2. Inshakov, S. M. Latentnaya prestupnost' kak pokazatel' effektivnosti ugolovnoi politiki (Latent crime as an indicator of efficiency of criminal policy) // *Rossiiskii sledovatel'*, 2008, no. 14, pp. 20–23.
3. Ernst-Heinrich, A. Klassische und neuere ethische Strategien zur Korruptionsbekämpfung // *Kriminalistik, BRD*, 2003, no. 8–9, pp. 481–485.
4. Kopylov, M. N., Gavryushkin Yu. B. Ugolovnaya otvetstvennost' za posrednichestvo vo vzyatochnichestve v zarubezhnykh stranakh (Criminal liability for mediation of bribery in foreign countries) // *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 2013. № 2. S. 163–165.
5. Yani, P. S. Problemy kvalifikatsii posrednichestva vo vzyatochnichestve (Issues of qualification of mediation of bribery) // *Zakonnost'*, 2013, no. 2, pp. 24–29.
6. Baranov, V. M. Zony povyshennogo riska v deyatel'nosti organov gosudarstvennoi vlasti v rakurse prezumptsii vinovnosti chinovnikov (Zones of increased risk in the functioning of state authorities in the aspect of officials' presumption of guilt) // *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2013, no. 2, pp. 76–83.
7. Baranov, V. M. Pravo protiv korruptsii (Law against corruption) // *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2013, no. 7, pp. 119–130.
8. Tayurskaya, E. A. K voprosu o kvalifikatsii posrednichestva vo vzyatochnichestve (On the issue of qualification of mediation of bribery) // *Pravovaya politika sovremennoi Rossii: realii i perspektivy*: mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 95-letiyu Irkut. gos. un-ta. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2013, pp. 200–201.
9. Talan, M., Tarkhanov, I. Posrednichestvo vo vzyatochnichestve v ugolovnom prave Rossii (Mediation of bribery in the Criminal Law of the Russia) // *Ugolovnoe pravo*, 2013, no. 5, pp. 105–107.
10. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chaste* (Criminal Law of the Russian Federation. General and specific part): uchebnik / pod red. V. K. Duyunova. 3-e izd. M., 2012, 681 p.
11. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* (Criminal Law of the Russian Federation. General part): uchebnik / pod red. I. E. Zvezarovskogo. M., 2010, 640 p.
12. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast'* (Criminal Law of the Russian Federation. General part): uchebnik / pod red. L. V. Inogamova-Khegai. M., 2013, 336 p.
13. Tkachev, I. Problemy realizatsii ugolovnoi otvetstvennosti za posrednichestvo vo vzyatochnichestve (Issues of implementation of criminal liability for mediation of bribery) // *Ugolovnoe pravo*, 2012, no. 2, pp. 64–70.

14. Brilazhiev, K., Chashin, K. Kriminalizatsiya posrednichestva vo vzyatochnichestve: poisk optimal'noi modeli (Criminalization mediation of bribery: search for optimal model) // *Ugolovnoe pravo*, 2013, no. 6, pp. 30–35.
15. Brilliantov, A. O pravovoi otsenke roli posrednika v prestuplenii (On the legal assessment of the role of a mediator in a crime) // *Ugolovnoe pravo*, 2006, no. 5, pp. 12–16.
16. Garmaev, Yu. P., Stepanenko, R. A. Obstoyatel'stva, podlezhashchie ustanovleniyu i dokazyvaniyu po delam o prestupleniyakh, svyazannых s posrednichestvom vo vzyatochnichestve (Circumstance subject to establishing and proving in cases related to mediation of bribery) // *Rossiiskii sledovatel'*, 2013, no. 11, pp. 34–37.
17. Nomokonov, V. A. Nekotorye problemy optimizatsii antikriminal'noi politiki (Some issues of optimization of anti-criminal policy) // *Kriminologicheskii zhurnal BGUEP*, 2012, no. 3, pp. 36–42.

Received 20.10.15

Information about the authors

Rogova Evgeniya Viktorovna, Doctor of Law, Associate Professor, Eastern-Siberian Institute of the Russian Ministry of Domestic Affairs
Address: 110 Lermontov Str., 664074, Irkutsk, tel.: (83952) 42-26-07
E-mail: rev-80@yandex.ru

Zabavko Roman Alekseyevich, lecturer, Eastern-Siberian Institute of the Russian Ministry of Domestic Affairs
Address: 110 Lermontov Str., 664074, Irkutsk, tel.: (83952) 42-26-07
E-mail: zra1985@gmail.com

For citation: Rogova, E. V., Zabavko, R. A. Quasi and real toughening of criminal liability for mediation of bribery // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 76–83.

© Rogova E. V., Zabavko R. A., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/>), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Бикеев И. И., Кабанов П. А.

Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: понятие, содержание, правовое регулирование, классификация // Препринты Института экономики, управления и права (г. Казань). 2014. № 1. 80 с.

Создание многоуровневой системы противодействия коррупции в Российской Федерации требует надежных инструментов ее измерения, в качестве одного из которых эффективно может и должен быть использован антикоррупционный мониторинг. В издании отражены результаты его исследования с использованием общенаучных и специальных правовых методов и описанием регионального опыта правового регулирования. Это первое и единственное в России значительное изучение антикоррупционного мониторинга как измерительного инструмента эффективности реализации национальной государственной политики противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, содержащее также и рекомендации по его совершенствованию.